

но когда чаша терпения переполнилась, мы расстались: он в кураже, в этом своем темпераменте может сильно ранить людей. Но четыре спектакля, сделанные с Виктюком, — целая жизнь в театре. Я признаю: ему: он верил в меня, находил для меня замечательные роли — Варвару в «Мелком бесе», Маргариту Мостовую в «Стене» Галина, Колумбину, «Адский сад».

— А потом сложился тандем с Николаем Колядой. В его спектакле «Мы едем, едем, едем...» вы играете челночницу так, словно сами занимались малым бизнесом.

— Я сама видела этот великий «шелковый путь» через Амур из Благовещенска в Китай — исход челнока! Предлагаю поставить памятник полосатой сумке, как во Франкфурте монумент чиновнику — огромный галстук, завивающийся, эротичный. А тут бы сумку — полосатую, выдавшую виды, в завитках рваных ниток. Но у нее должны быть раскосые глаза, на той стороне, что смотрит в Россию — грустные глаза бывшего младшего научного сотрудника. Он меня

одел, накормил, он и открыл мне все границы. Но памятник нужно ставить и Коляде, который сформулировал в своих пьесах это странное время-бездвремя, сформулировал нищенство и неумирающую, тонкую интеллигентность русской провинции. А вместо этого сейчас в Екатеринбурге, откуда я только что вернулась, его лишили последнего пристанища — подвала, где обретается нищий, но не убиенный Коляда-театр. В Москве театр с гастролями принимают Центр Мейерхольда и «Современник», а в Екатеринбурге ему ни копейки не дали на поездку, власти закрыли глаза — крутись как хочешь, Коляда. Это тебе судьба таланта в России: не сдохнешь — будешь жить!

— Вот такое отношение к власти, к насилию, оно вами из юности вынесено, из общения с семьей сатирика Виктора Ардова?

— Бывала в его чудном Доме и была любима Виктором Ефимовичем — мне так казалось, по крайней мере. Моя подруга Мика Ардова — жена Бори, сына Виктора Ефимовича, вот она и привела меня в этот

Дом на Ордынке. Туда приходил Толя Найман, там гостила Ахматова (она дружила с Ниной Антоновной Ольшевской, мамой Миши и Бори Ардовых и Леши Баталова). Не помню всех разговоров и споров, но помню атмосферу хлебосольной московской семьи, образованной, всегда в оппозиции к власти. Вообще, этот Дом — краеугольный камень, на котором я просидела всю оставшуюся жизнь, хотя я тогда была маленькая, ничего не понимала, и только уши были как у зайца. Слушала. Но не хочу сокровенное выливать: когда-нибудь все напишу... Есть другие вещи, о которых я хочу сейчас сказать.

— Какие же?

— Про то, что происходит с Лицедем Ходорковского в Кораллово. Имущество Лицеда описали, и родители Михаила Борисовича не могут им даже распоряжаться. Там сироты, бесланские дети. Там дети погибших пограничников и милиционеров, вы бы видели этих старичков. Там лучшие силы стянуты: педагоги, психологи, я уж не говорю о родителях Ходорковского, Борисе Моисеевиче и Марине Филипповне, они этим детям-подранкам пятнадцать лет жизни отдали. Входят они к ребятам, а те плачут: откуда-то прослышали, что их выгоняют, бояться потерять новый Дом, где их уже полюбили. Столько кричали, что надо бороться с беспризорностью, все для детей — усыновим, нарожаем новых. Вот это по-нашему — убить все самое дорогое, но не «поступить по принципам». Но нельзя заменить подранков на новых, здоровых, понимаете. Мы никак не научимся руководствоваться не принципами, а любовью.

— Вы не боитесь поперек общего мнения идти?

— Нет «общего мнения», есть порядочные люди, их много. Не дай Бог скажут, что я была среди тех, кто подписывал письмо против Ходорковского, чтобы его наказали по-сильнее. Осужденного подтолкнуть... Подписали бы такие письма Ахматова, Пушкин. Грибоедов, Эфрос?

— А вам предлагали подписаться?

— Мне никогда не предложат, слава Богу.

«Крутой маршрут» я прочла за двадцать лет до спектакля в самиздате

«Крутой маршрут».

Беседовала
Наталья ИЛЬИНА